

Эссе по картине художника В. А. Игошева
«Семья Тасмановых»
(в качестве темы эссе «Сборы в дальнюю дорогу»)

КУНИНА Мария Александровна,
ученица 10б класса,
СОШ № 3,
г. Белоярский

**В. А. Игошев. Семья Тасмановых (1983–1985).
Дом-музей народного художника СССР В. А. Игошева
(Ханты-Мансийск)**

Не так давно я просматривала видеозаписи из семейного архива. Среди них нашлась запись 1998 г. На ней – Праздник родов, который проводился 27 марта 1998 г. в селе Корлики Нижневартовского района. В этот день чествовали представителей рода Куниных, проживающих в нашем селе. Весь день был посвящён им. Сначала Кунины встречали гостей в чуме, установленном возле сельского дома культуры, угощая гостей праздника. Потом проходили соревнования по национальным видам спорта, в том числе гонки на оленьих упряжках. А вечером того же дня на сцене клуба Кунины демонстрировали свою одежду, традиции (устроили имитацию Медвежьего праздника). Я с интересом наблюдала, как статные мужчины-ханты вышагивали по сцене, демонстрируя свои зимние наряды: огромные широкие меховые шубы с капюшоном, высокие кисы на ногах, на поясе деревянный сатв (ножны) с ножом. Женщины выходили в красивых платьях, зимних шубах. Особенно привлек моё внимание женский пояс, который был украшен бисером, монистами, разными мелкими металлическими изделиями. Все наряды были особенными, неповторимыми. Нашу семью на этом празднике представлял мой отец

Кунин Александр Алексеевич (его нет больше в живых, он погиб на СВО в январе 2024 г.) и старшая дочь Даша, ей было всего 4 г. Вся семья готовилась к этому мероприятию, по крупицам собирая материал о представителях рода, разыскивали старинные вещи, изготавливали наряды. В нашей семье бережно хранится память об истории нашего рода, традициях предков. Кунин – легендарная хантыйская фамилия, а связана её популярность с именем оленевода Ивана Кунина и, в большей степени, с именем его сына Ефима по прозвищу Шата. Иван Кунин считался самым богатым человеком в бассейне реки Толька, самым крупным поставщиком «мягкого золота». По слухам, его оленьё стадо насчитывало до пяти тысяч голов. Ефим Иванович был фигурой поистине межэтнического и даже международного значения: «мягким золотом» он торговал даже со Швецией! К сожалению, представители старшего поколения из семьи Куниных не вели записей о своих корнях, поскольку многие были неграмотными, и передавали друг другу информацию «из уст в уста», поэтому сегодня трудно проследить связь нашего рода со знаменитым Ефимом Куниным (Шатой, Шатиным) и его отцом, однако в нашем семейном архиве бережно хранятся вырезки из газет об этой незаурядной личности.

Сегодня о жизни предков мы узнаём со слов бабушки Куниной Евгении Алексеевны (1943 г. р.) и дедушки Кунина Алексея Егоровича (1948 г. р.), других представителей нашего рода, а также из этнографических очерков по изучению жизни остяков, проживавших в районе реки Вах. С началом весны ханты проживали на мелких озёрах и речках, где по высокой воде промышляли для собственного потребления рыбу, охотились на перелётную птицу. В июне жители переходили на более крупные реки, отдельные семьи спускались на пески вверх и вниз по Ваху, где занимались добычей рыбы, которую позже сдавали в рыбчусток. Олени в течение лета выпасались на ближайших крупных болотных угодьях. К концу осени охотники собирались на промысел.

В дальнюю дорогу наши предки отправлялись в ноябре, когда снега было достаточно много, и дорога хорошо замерзала. Отправлялись в тайгу до нового года. Дети школьного возраста оставались на занятиях в школе, а остальные члены семьи отправлялись на охоту. Брели с собой маленьких детей, дедушек и бабушек. Расстояние измерялось ночёвками, а не километрами. Уезжали далеко в тайгу на оленях. Через пару ночёвок устанавливали чум. На этом месте находились с неделю. Если встречался зверь в этих местах, то могли дней десять охотиться на этом месте, потом ехали дальше. Охота велась, как правило, рядом с тем местом, где жили. Условно люди считали это своим участком. Если зверя было мало на этом участке, договаривались с соседями или родственниками, что будут охотиться на их участке. Если охотник выезжал в тайгу один, оставляя семью в деревне, то он обычно присоединялся к другой семье, с ними и охотился. По словам бабушки, в одном чуме было не больше 2–3 охотников, чтобы на этом месте была возможность поохотиться каждому и всем хватило зверя.

Бывало, ханты уезжали в дальнюю дорогу к родным. Так, дедушка Алексей Егорович вспоминает, что ездили на Тольку. Туда добирались на оленях неделю, делая остановки на ночёвку. Позже появились снегоходы (дедушка говорит, что их привезли на продажу, и он сам купил себе новенький «Буран»), и этот путь преодолевали значительно быстрее. Раньше Толькинский сельский совет относился к Ларьякскому району до 1951 г., потом он перешёл в административное подчинение Красноселькупского района Ямало-Ненецкого округа. В Корликах же находилось промыслово-охотничье хозяйство, решение его организовать было принято в 1941 г. на заседании исполнительного комитета окружного Совета депутатов трудящихся Ханты-Мансийского национального округа. Именно в Корликах принимали добытое и давали новые планы, задания. Всё, что было добыто охотниками: рыба, мясо, пушнина – отправлялось на фронт. О добытом охотники отчитывались здесь, в сельском совете, докладывали, получали за сданную рыбу, пушнину керосин, соль, ситец, полотнище для красного знамени (чтобы разместить его у себя в чуме). После войны появился кусковой сахар, его выдавали понемногу, а в 1960-х

гг. в Корлики стали привозить из Ларьяка мороженые яблоки; их тоже выдавали семьям охотников. Здесь заводились новые знакомства, заключались договоры о связи семей узами брака (Верхнетазовские селькупы на протяжении нескольких веков поддерживали брачные и культурные контакты с ваховскими хантами). По полевым материалам известно, что в 1960–1970-е гг. ваховские ханты приезжали в гости к селькупским оленеводам, кочевавшим в бассейне р. Корылькы. Не были редкостью и поездки самих верхнетазовских селькупов на Вах за невестами; однако никаких сведений о конкретных хантыйских фамилиях, с которыми поддерживались брачные связи, местные жители привести не смогли [1, с. 130]. В Корлики приезжали охотники из колхозов: «Красный Север», «Искра», «Передовик», а также юрт «Комсомолец» и «Вахката-пухол». Позже эти колхозы и юрты закрылись, а людей постепенно переселили в село Корлики. В дальнюю дорогу ханты отправлялись на оленьих нартах. Преодолевали очень большие расстояния. Первой нартой управлял мужчина; в неё впрягали самых сильных оленей-быков, которые торили дорогу. Удивительно, но олени хорошо знали путь, и даже если снегом замело всю дорогу, олени прекрасно знали, куда двигаться. Потом следовали женские нарты со спинкой; детей усаживали в них вместе с матерью. Детей привязывали к спинке. Самые маленькие дети находились в люльке. Спинка у люльки была высокой, что позволяло обеспечить безопасность ребёнку, если нарты переворачивались. Спинка люльки упиралась в землю, ребёнок же в ней был крепко-накрепко привязан и не выпадал в снег. За женской нартой шли грузовые-продуктовые нарты, на них был ящик во всю длину. В нём находились продукты и посуда. Посуда в основном была деревянная, реже брали берестяную, так как на морозе береста была очень хрупкой, ещё реже встречалась железная посуда. После продуктовых нарт шли нарты с чумом, к ним укладывали грязную посуду, ту, что была в саже (сковородки, котелки), после шли нарты для всего остального. Бывало, что выделяли отдельно нарты для лежащих больных стариков (по словам Е. А. Куниной, наша родственница Кунина Мария Кирилловна возила так с собой свою свекровь). К последней нарте привязывали собак, они бежали по дороге. Что интересного, наша бабушка много лет возила с собой свою кошку. Её привязывали верёвкой, дети держали её в дороге на руках. Кошка была привыкшей с маленького возраста и никуда не убегала, ожидая, когда они доберутся до избы. Правда, кошки появились у них сравнительно недавно. Поскольку в дальнюю дорогу ханты отправлялись в зимнее время, одеваться приходилось так, чтобы не замёрзнуть в пути. Зимы были очень холодными, говорит бабушка. Женщины надевали две шубы (кёлэх). Одна – нижняя, мехом к телу, другая – верхняя, мехом наружу. То же самое проделывали и мужчины. Верхняя шуба была достаточно длинной. Верхнюю шубу (малавси) мужчины надевали, когда был сильный мороз, чаще оставались в нижней мальти (малица). На ноги надевали нырики или кисы. Нырики наполовину изготавливались из меха, верхняя часть из сукна. Кисы же полностью были из меха, по высоте доставали до паха, это делалось, чтобы охотник не зачерпнул снега. Кисы украшали по своему усмотрению, нырики же были без украшения. Вместо носков, которых в то время ещё не было у охотников, на ноги наматывали траву, которую специально заготавливали осенью (кунтэ пам). Она очень похожа на осоку. Её подсушивали, теребили специальной расчёской. Рукавицы для женщин и мужчин делались одинаково из лап оленя, реже лося. Оленьи лапы было легче обрабатывать, кожа была мягче, чем лосиная. Рукавицы пришивались надёжно к верхней одежде. Головным убором для мужчин служил капюшон шубы, женская же шуба чаще была без капюшона. Женщины прикрывали голову воротником и платком. Редко под платок надевали шапочку из белки или ондатры. Детей, одетых в верхнюю одежду, укрывали шкурой оленя, как одеялом. В люльке у ребёнка находилась мягкая берёзовая стружка, она служила своеобразным подгузником малышу и не давала преть его нежной коже.

На месте охоты останавливались из расчёта успеть поставить чум до того, как на улице стемнеет. Обратно собираясь, вставали затемно, чтобы успеть всё уложить и отправиться в обратную дорогу или путь дальше. Охотничий промысел продолжался у

ваховских ханты до последнего снега, до весны. Открываются реки, и ханты отправляются в дальний путь уже за рыбой. Но это совсем другая история...

Список источников и литературы

1. Адаев В. Н. Селькупы Верхнего Таза: Межкультурные связи и пути сообщения с населением соседних речных бассейнов в XVIII–XX вв. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2014. – № 1 (24). – С. 124–132.